

ПОЖЕЛАНИЯ ПО ПОВОДУ ЕВРАЗИИ¹

Г. Тер-Габриелян

Впервые я встретился с понятием Евразия, естественно, в школе, географически, но более осмысленно я с ним столкнулся в университете, как востоковед-тюрколог, с подачи моей руководительницы — Мэри Кочар, изучая работы Льва Гумилева, одна из которых, «Этногенез и биосфера Земли», была издана только для служебного пользования малым тиражом, и я изучал ксерокопию этой работы, собранную, как книгу, толстенную ксерокопию — много сотен страниц. Гумилев и Евразия были мне интересны и как тюркологу, и как человеку, влюбленному в Марину Цветаеву. Связка понятна: сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой, которые являлись важнейшими лицами эпохи Цветаевой, решает заниматься чем-то, чем занимался муж Цветаевой — евразиец Сергей Эфрон, который к тому же был интересен тем, что, судя по всему, был то ли шпионом, то ли разведчиком. Гумилев, думаю, полюбил Евразию по двум причинам: так как сидел в ГУЛАГе и из-за татарских корней своей мамы. Но Гумилев изучал Евразию научно, а Эфрон был представителем идеологии евразийства, которая, быть может, началась с Данилевского? Или я неправильно помню?

В целом мне нравилась идея евразийства, я ее не воспринимал как противостояние Европе или Азии, а как объединение, а также как попытку заполнить идеей пустое пространство. Гумилев объяснил, что не надо относиться свысока к кочевым культурам, и что пространство их проживания столь же покрыто культурой, сколь таковой были покрыты мое — маленькая Армения и Европа, просто эти культурные слои уносились ветром, так как вместо камня использовались, скажем, шкуры зверей. Мне говорили, страшно кругля глаза, что евразийство опасно, так как это — новая модификация пантюркизма (или пантюркистско-панславянское единство), который хочет, чтобы Армения исчезла, и рядится в евразийские одежды. Но я не относился серьезно к подобным угрозам, так как не верил, что страна или народ могут исчезнуть из-за покорения или резни после всего, что уже было — после всех геноцидов и самогеноцидов, которыми ознаменовался 20-й век. Я все же всегда и сейчас больше боюсь автогеноцидов, нежели гетерогеноцидов. Как говорится, позаботься, чтоб сам себя не уничтожил, а уж о том, чтоб другие тебя не уничтожили — я позабочусь сам.

Естественно, также, как, несмотря на всю свою творческую, Лев Гумилев уступал по значимос-

ти и гениальности своим маме и папе, также, как, несмотря на свою авантюристность, Сергей Эфрон уступал своей жене по значимости и гениальности, также, как, несмотря на свою философичность, Данилевский уступал Толстому и Достоевскому в своей гениальности и значимости, также и евразийская культура уступала европейской, которую я считал достигшей той степени развития, которая позволяет провозглашать, в некоторых случаях, ценности от имени всего человечества. Это мне объяснил еще Грант Матевосян (известный армянский писатель), а потом, посетив Европу, я сам это понял и увидел: если и есть в мире культура, которая имеет право вещать от имени мира, то, по степени своих страданий и их эксплицитного осмысления, по степени выработки культурного слоя, сохраненного, который может послужить для анализа и неповторения ошибок прошлого, — это конечно европейская, говорил Грант.

Потом я сам в этом убедился, поняв, что в Европе, в отличие от Армении, нет дикой природы, т. е. что там каждый камень тысячелетиями облизан цивилизацией, каждый кусок земли, каждая песчинка, и что там культурный слой даже погуще, чем в Армении, ведь мы гордимся тем, что в Армении копнешь — и найдешь кусок хачкара (камень-крест), или ржавый меч, или скелет, или доспех, так вот в Европе больше копают и больше находят, и глубже там культурный слой, хотя мы гордимся тем, что у нас трехтысячелетний и т. д., так вот у них там и трехтысячелетний и т. д., и погуще, чем наш, так как там история меньше прерывалась. Не знаю, может, это благодаря Гольфстриму, ну так возблагодарим Господа за Гольфстрим. Тем более, сегодня, учитывая погоду в Ереване.

Конечно, эта Европа, которую я обнаружил, началась с Ближнего Востока, с Леванта, со Средиземноморья, с Библии и до Библии, с Месопотамии, с шумеров и Вавилона, с Индии, с индоевропейства, так что она не просто кусок земли, которому повезло, а система ценностей, которую вырабатывало человечество. В этом смысле я до сих пор лелею гипотезу, что Европа и еврей — слова однокоренные, а также считаю, что противостояние мусульманства и Европы — если и есть — временное, оппортунистическое и политическое, предметное, а на самом деле ислам есть часть всемирных ценностей, как и европейские ценности.

Я беру из каждой культуры то, что они выработали, из европейской — все, что сейчас нет необходимости перечислять, из ислама, скажем, такие поня-

¹ Источник: <http://www.aravot.am/category/news/society/>

тия, как харам (проклятое) и халял (благословенное), и многие другие, из буддизма или конфуцианства — то, что они могут предложить, Будду, дзэн, дао, стратегию и т. д. Я не беру ни из одной культуры то, что мне кажется отжившим или неправильным, скажем, так называемое «красное яблоко» из так называемой армянской, хиджаб, «пояс верности» или «шахидок» — из так называемой мусульманской. Я интерпретирую ценности в положительном смысле, скажем, джихад для меня — это борение с самим собой, и я против джахилии и барбаризма одинаково, и, по-моему, эти два понятия — почти одно и то же, и первое даже интереснее второго, если вспомнить, что джахилия — это и культуры доисламские, и культуры, отрицающие учение Книги, а джахел по-армянски — молодой. Ни одну из ценностей я не использую в религиозном смысле, а только в этическом, хотя стараюсь понять их религиозное начало, подоплеку.

Так я конструировал свою Евразию — из кожаных ремешков, культурного слоя и того, что дала европейская цивилизация — умения мыслить, рефлексировать, записывать, черпать уроки, развиваться. Так, по кусочку беря ценности из каждой культуры, я вижу, как создается всемирная цивилизация — воистину храм, бесконечный, пока еще недостроенный, всегда предстоящий самому себе, но безостановочно конструируемый бесчисленными креативными, добрыми, умными и красивыми людьми, поколениями, человечеством, несмотря на попытки разрушения со стороны бедных, мелких, некрасивых, больных, неграмотных, недоразвитых, злонамеренных людишек.

Храм, в котором отражаются страдания рабов, как в любом готическом храме или в сталинской высотке, но храм, который красив, более красив, чем сталинская высотка — опоздавшая на пятьсот лет, и даже более красив, чем Кельнский, оставшийся одиноким воином в поле после всех бомбардировок, и даже Парижской Богоматери, после того, как разрушили Чрево Парижа и Бастилию, и даже Святого Евстахия, и даже Петры, и даже Звартноц, Гарни, Гегард и Рипсимэ — вместе взятые. Храм, в красоте которого не разобраться, не прилагая усилий ума, так как без приложения ума и знания многие храмы покажутся краше, чем они есть, и без приложения ума и знания даже храм, построенный олигархом-бандитом, чтобы деньги отмыть или еще что, покажется красивым. Между тем, красота имеет свои законы, и поэтому я не верю в искренность отсутствия вкуса. Вкус заложен в человека природой или Богом — красива гармония цветов радуги, и красива последовательность нот в гамме фортепьяно, и красив алфавит, а это означает, что есть камертоны, которыми можно мерить вкус и красоту.

Карьера моя затем стала насмешливо сталкивать меня с понятием Евразии, будто с судьбой: еще в США я понял, что это понятие используется, чтобы обозначить страны бывшего Советского Союза; или государства, недавно ставшие независимыми; или государства СНГ. Конечно, это было удобнее, ибо короче. Затем, перейдя на работу в Лондон, я оказался заведующим «программы бывшего Советского Союза», это было неблагозвучно, и мне пришлось срочно ее переименовывать, и тут опять-таки понятие Евразии пришлось впору. Был момент, когда мы смеялись с подружкой по поводу того, что она — «бывшая заведующая бывшей программой бывшего Советского Союза», а ныне — программы по Евразии.

Затем судьба продолжала улыбаться: она меня привела в Армению, чтобы я заведовал Фондом Партнерство Евразия — армянским локальным вариантом Фонда Евразия, американского, который локализовал свои офисы в странах бывшего СССР. Параллельно, другая Евразия набирала силу: возникали организации и идеи, несущие слово Евразия в своем названии, но в отличном от моих организаций смысле, — не как нейтральное обозначение региона, а как обозначение политического противостояния всемирным ценностям, которые, по их мнению, были не всемирными, а приходящими с Запада, а нужно было строить образ врага, чтобы кое-кто мог обогащаться беспрепятственно за счет остальных и удовлетворять свои глупые геополитические амбиции позапрошлого века.

Наконец, возникла идея Таможенного союза и Евразийского союза.

И вот теперь мы здесь: я, евразиец по судьбе, рождению, культуре, карьере и идентичности, должен думать, что делать, чтобы эта мелкопакостная политическая авантюра времен Квентина Тарантино, позднего Алексея Германа, Ваагна Папяна (известный пианист и дирижер) и Карена Долуханяна (известный художник) не оконфузила меня и других, смешав мое дорогое понятие Евразии с тем, которое кое-кто кое-где еще иногда пытается подсунуть, чтобы оконфузить и если не остановить, что невозможно, то хотя бы замедлить великое построение храма всемирной цивилизации.

Желаю истинной Евразии процветания вместе с Европой и всемирной цивилизацией.

Желаю вам, чтобы вы красоту Евразии мерили юртой, малахитом, трагедией ГУЛАГа, Каабой, Авиценной, телескопом, Цветаевой, Мандельштамом, камертоном, радугой, гаммой. Желаю вам в Новом Году не перепутать разные Евразии.